

БЕСЕДА СЕМНАДЦАТАЯ

ГОРБАЧЕВ: НОМЕНКЛАТУРНАЯ УТОПИЯ

Два типа реформаторов

Есть два типа реформаторов.

Одни – иницирующие реформы, те, кто выдвигает фундаментальные идеи, разрабатывает программы преобразований, и на их основе своей организационной энергией определяет дух и содержание эпохи. Такими были, например, Петр, Ленин, Наполеон, Рузвельт – реформаторы, **создающие** события.

И есть реформаторы, которые плывут (а иные – можно сказать, барахтаются) **внутри** потока событий, созданных и иницированных не ими, а различным стечением обстоятельств. Они не создают события, они создаются событиями. И – в меру своих сил, возможностей и своего понимания пытаются так или иначе на них воздействовать.

Горбачев, совершенно очевидно, принадлежит ко второму типу реформаторов. Достаточно одного беглого сравнения, чтобы убедиться в этом.

Ленин. Он шел к Октябрьской революции, имея за плечами такие фундаментальные труды (оставляю, в данном случае, в стороне их оценку), как «Развитие капитализма в России» (анализ социально-экономического строя в стране), «Империализм, как высшая стадия капитализма» (анализ мировой экономической системы, в которую была включена и Россия), «Государство и революция» (политическая, экономическая программа действий на другой день после революции), программы созданной **им** партии (ближайшая – «минимум» и дальнедействующая – «максимум»).

Горбачев. А что за плечами – к 1985 году – у него? Ну, доклады на пленумах Ставропольского крайкома комсомола, на собраниях передовиков производства; позднее – выступления на всесоюзных совещаниях («по науке», «по техническому прогрессу», «по повышению урожайности», «по кадровой политике»); ну, статьи к юбилейным датам – обычные, нормальные статьи тех лет – с

упоминанием об «исторических решениях» недавно завершившегося Пленума ЦК, о постановлениях последнего (тоже, разумеется, «исторического») съезда партии, с обязательными цитатами из Леонида Ильича, Юрия Владимировича, Константина Устиновича (партийных генсеков). Готов признать, что эти произведения отличались – в лучшую сторону - от творений других партийных руководителей. Они были посодержательней, поконкретней, «поконструктивней». Ну, еще его речи – он умел говорить не по бумажке, обладая при этом удивительной для тогдашних партийных вождей способностью соединять слова в достаточно осмысленные предложения. Ну, обладал оргхваткой, великолепно знал движение всех винтиков и колесиков партийного маховика, ориентировался в нем на ощупь, на слух - как экстраклассный шофер в автомобильном моторе. Но только, ведь, и всего! С таким багажом можно успешно двигаться по всем закоулкам, по всем ступеням партийного мира, но созидать События, да еще «всемирно-исторического масштаба»... Увольте!

Михаил же Сергеевич совершенно серьезно (и, думаю, совершенно искренне) считает себя (см. его предисловие к книге «Годы трудных решений») человеком, «возглавившим один из крупнейших переворотов XX века», «взвалившим на свои плечи груз преобразований в сложной и великой стране». Увы, он, по-видимому, смешивает партийно-номенклатурную должность генсека (официального «начальника» над всем советским людом) с миссией Реформатора, действительно, по самой сути дела, «возглавляющего и направляющего» процесс реформ.

Еще раз: Горбачев никакой «груз преобразований» не «взваливал» на свои плечи. Он «взвалил» на себя обязанности генсека – главного чиновника страны. (Да, и почему, собственно, «взвалил»? Просто - не без удовольствия получил давно, страстно и тайно желаемое). Он возглавлял не процесс Демократических реформ, а партийно-государственно-бюрократический орган, при котором начался (с начала 80-х годов) обвал административно-командной системы и начали появляться первые ростки демократического общественного сознания и демократических

организаций. И, естественно, этот высший орган и Горбачев, как его официальный глава, не могли во всем этом так или иначе не участвовать. А вот как именно он участвовал и что вышло из его участия – об это далее особый разговор. Пока же зафиксируем несомненное: Не Горбачев готовил и создавал ток событий, он оказался вброшенным в них.

А в чем же был глубинный смысл этих событий и как действовал Горбачев, оказавшийся – волей судьбы – в самом их центре?

Кто с кем и против кого?

Вы помните знаменитую фразу из доклада Андропова (генсека начала 80-х), фразу, просунутую в «высокий доклад» одним из хитроумных спичрайтеров: «Мы плохо знаем общество, в котором живем»? Это была хорошая, звонкая и надо сказать (спасибо тебе, хитроумный спичрайтер!) абсолютно заслуженная оплеуха всей «передовой советской общественной науке», которая, по большей части, не столько изучала реальность, сколько занималась рисованием идиллических картин – иллюстраций к «последним решениям ЦК». Такими идиллическими, ничего общего не имевшими с действительностью картинами были теоретические полотна, изображавшие ситуацию полного «единства советского народа», совпадения коренных интересов всех составляющих его социальных сил («героического рабочего класса», «колхозного крестьянства» и «трудовой интеллигенции»), трансформации многонационального разнообразия в «новую общность» – «советский народ». И – никаких социально-классовых конфликтов, никакого социального противостояния! Что вы! «Народ и партия – едины!» - 99, нет - 99,9% (практически единодушно!) на выборах отдают свои голоса «нерушимому блоку коммунистов и беспартийных»!

И пока гнали на Запад – по щедрым ценам – нефтяные и газовые реки, пока более или менее эффективно работала машина идеологического и политического подавления и худо-бедно функционировала административно-командная система, -

противостояние социальных интересов было почти неразличимым, латентным, упрятанным глубоко в социальные недра общества.

В условиях же системного – экономического, политического, идейного – кризиса первой половины 80-х годов социальные коллизии вышли на поверхность и стали видны невооруженным глазом. Стала почти очевидной главная линия социального водораздела: с одной стороны – господствующая, всевластная, всем владеющая партийно-государственная бюрократия («номенклатура»), с другой – бесправный, лишенный власти и собственности «народ». И не нужен был какой-то особенно проницательный научный взгляд, чтобы увидеть: формально «общественной» собственностью распоряжаются не «все и каждый», а только и исключительно номенклатура, и что социальное равенство и политическая демократия присутствуют только в текстах высочайших Госдокументов, но не в реальной жизни.

Наиболее проницательные из «шестидесятников» уже в 60-70-е годы выясняли суть этого развивающегося противостояния, формулировали опорные пункты требований и программ «демократических низов», «гражданского общества». Эти требования, эти программы и зазвучали на массовых, народных митингах и демонстрациях второй половины 80-х годов. Они концентрировались вокруг идеи **Демократизации** всех сторон общественной жизни: в политике – идейный и политический плюрализм, реальные выборы (чтобы, по крайней мере, выбирать не из одной кандидатуры), отмена 6-й статьи Конституции (о единственно допускаемой к управлению страной политической силе – КПСС); в экономике – собственность (во всём разнообразии её форм) – народу! – через её разгосударствление (что в тех условиях означало деbüroкратизацию) , через создание цивилизованного рынка; в сфере культуры – отмена цензуры, партийного контроля и чекистской слежки, а также – гласность, свобода слова, свобода совести и т. д.

Но, увы, это социальное противостояние не стало главной осью борьбы середины 80-х годов. «Низовая демократия», «гражданское общество» не сложились (да, и не могли сложиться) в условиях тоталитарно-авторитарной сталинско-брежневской системы. «Народ» был не готов к тому, чтобы стать реальным, самостоятельным субъектом преобразований – ни структур, ни организаций, ни развернутых программ.

Реальным субъектом изменений – организованным, владеющим материально-финансовыми средствами деятельности и рычагами управления – был только один класс. И этот класс – номенклатура.

Правда (и в этом состояло главное своеобразие момента), внутри правящего класса существовали разные группы, разные фракции, соперничавшие друг с другом за первенство. Борьба, соперничество фракций номенклатурного сословия и определяли ход событий.

Что это за фракции?

Основных – две. Одна – сторонница традиционного сталинско-брежневского «социализма», её можно назвать фракцией «номенклатурного социализма». Другая – либерально-бюрократическая, сторонница приватизации (в свой карман) собственности, - фракция «номенклатурного капитализма».

И была ещё одна, впрочем, очень слабая, фракция, в определенной степени отражавшая интересы и настроения рядовых граждан; это фракция, склонявшаяся к некоему синтезу идей демократически-социалистического и демократически-либерального толка (можно сказать, - фракция социал-демократической ориентации).

Короткая, но яростная схватка двух основных фракций в начале 90-х годов – с мини-гражданской войной, точнее – с мини-номенклатурной разборкой в октябре 93 года (в пределах Белого дома и Останкинского телецентра) закончилась захватом основных рычагов власти фракцией «номенклатурного капитализма», оставив «номенклатурным социалистам» пространство «номенклатурной оппозиции» (довольно, впрочем, политически влиятельное

пространство – с прочными позициями в Думе, в Совете Федерации, в региональных структурах власти). Сильно проигравших тут не было.

С кем был Горбачев?

Вначале – с кем он не был. В главном противостоянии «номенклатура – народ» он не был с «народом». Михаилу Сергеевичу такая констатация, наверняка, покажется странной: ведь в своих многочисленных мемуарах он постоянно подчеркивает, что «идеал», к которому он стремился, – это «общество свободных людей, человека труда и для человека труда», что его деятельность была «ориентирована на интересы человека, глубокий демократизм во всём».

Допускаю, что он вполне искренен, когда так пишет. Но тогда он просто заблуждается относительно объективного смысла своей деятельности. Факты, ведь, говорят о другом. Так, он до последнего стоял на защите главного положения, законодательно фиксирующего единоличное господство КПСС (сиречь – партноменклатуры), – статьи 6-й Конституции. Он до последней возможности держал оборону против требований «идеологического плюрализма» (выдвинул даже знаменитую охранительную формулу: «за плюрализм, но в рамках марксизма-ленинизма», что, на языке партноменклатуры означало – «в рамках последних решений партийного Пленума»); против такого «плюрализма», думаю, и Иосиф Виссарионович бы не возражал: он был тоже за «плюрализм» – «в рамках Краткого курса истории ВКПб»). И выборы Президента СССР (то есть, собственные выборы) не решился провести всенародным голосованием и на альтернативной основе. Предпочел избираться съездом народных депутатов (так сказать, – «в кругу своих братишек»). Хорошо ещё, что нашелся один человек, самовыдвинувший свою, «альтернативную», кандидатуру, помогая тем самым Михаилу Сергеевичу спасти свое «демократическое» лицо. И так далее, и так далее...

В общем, он был верным и преданным сыном номенклатурного сословия. Он был вскормлен и взращен им. Взгляды этого

сословия, его интересы, стиль общения с людьми вошли в его плоть и кровь, стали его натурой. И потому-то он мог очень сильно заблуждаться относительно себя, мог даже не замечать, сколь последовательно и ревностно, можно даже сказать – инстинктивно, он служит своему социальному слою.

А теперь следующий вопрос: с какой из фракций своего сословия был Горбачев в те, «перестроечные», годы?

Тут есть некая загадка.

С одной стороны, он потихоньку, на пол-, на четверть-шага, дистанцировался от лигачевско-полозковской группы «номенклатурных социалистов»; иногда он даже грозил им пальчиком (как в случае с поддержкой ими печально знаменитого сталинистского манифеста Нины Андреевой) – не зарывайтесь-де очень. Но, с другой стороны, и «номенклатурных либералов» он не слишком жаловал: то прикроет Яковлева или Шеварднадзе от нападков ортодоксов, то (и, кажется, не без удовольствия) отдаст их им на растерзание, Ельцина тем более разрешил им разделать «под орех». Он – то расцелует Явлинского за его «500 дней», то кинется к Рыжкову – за прямо противоположной программой...

С кем же вы, Михаил Сергеевич?

Подумаешь – бином Ньютона!..

Да, ответ-то предельно прост, и загадка – только для непосвященных. Он не был ни с одной из фракций, потому что (объективно!) стремился быть вождем номенклатурного сословия **в целом**, защищать его **общие** интересы. Сплотить его, не допустить раскола, иначе события выйдут из-под контроля высшего руководящего слоя – вот действительный нерв его деятельности в тот период. Он уговаривает и «левых» и «правых»: ребята, давайте жить дружно! А «ребята» его, меж тем, на заседании Политбюро (24-25 марта 1988 года) буквально лбами сталкиваются – в связи со статьей Нины Андреевой. Аж искры летят. Вопросы ставятся уже ребром: за или против сталинизма. А Михаил Сергеевич снова ласково кивает в обе стороны: «Главный итог разговора состоит в том, что он ещё раз выявляет наше

единство (!) по главным вопросам». (А что, может, вопрос об отношении к сталинизму и на самом деле не является «главным» для номенклатуры? В общем: «сталинисты» и «антисталинисты», в общих интересах нашего сословия, давайте жить дружно!).

А вот с кем Михаил Сергеевич не хотел «жить дружно», так это с теми «платформами» в КПСС, в программах которых явственно звучали антиноменклатурные интонации, - например, с «Марксистской» и тем более – с «Демократической платформой». А когда **внутри** КПСС сложилась, как альтернатива Полозковской (т.е. – сталинистской) российской компартии, так называемая Демократическая партия коммунистов России (ДПКР), организация социал-демократического толка, надеявшаяся, между прочим, на поддержку демократствующего генсека, - то из «дружных» рядов «перестроечного» политбюро раздалась решительная команда: исключать этих «демократических коммунистов» из партии.

Авторитарная утопия

Да, именно ей был подвержен наш юбиляр. В ее основе – представление о том, что главным субъектом современных социальных преобразований, способным обеспечить переход от тоталитарных структур к демократическим, является сословие государственных управленцев (в переводе на язык российской политической реальности – **НОМЕНКЛАТУРА**).

У этой утопии есть два аспекта.

Первый - связан с наивной уверенностью, что при смене социально-экономических парадигм (от административно-командной к рыночной) возможно сохранить принципиальное единство управленческого сословия (основная часть которого сложилась при старом режиме и прочно срослась со старыми методами управления). Утопия – полагать, что прекраснодушный призыв «ребята, давайте жить дружно» может парализовать разъединяющее действие экономических законов. Утопия – соединять несоединимое: Лигачева и Ельцина, Н. Рыжкова и Явлинского, ГКЧП и команду Гайдара. Третий путь? Это – другое дело! Но его-то как раз и не было – ни в мечтах, ни в планах, ни в

реальности. А были метания между «левыми» и «правыми», были прекраснотушные призывы к какому-то «принципиальному» единству. «Третий путь» – предполагает решительный выход за пределы бюрократических структур и номенклатурных игр, на просторы гражданского общества. Но номенклатурное мировоззрение наших вождей - реформаторов периода «перестройки» напрочь перекрывало эту возможность.

И всё же главной составляющей «перестроечной» утопии была вера во всемогущество начальственных решений и постановлений, вера в «сильную власть», которая «всё может». Вера в то, что переход к Демократии (т.е. Народоуправству) наиболее совершенным образом может обеспечить какой-то более или менее цивилизованный вариант номенклатурного правления, или, как услужливо поддакивали первому президенту СССР некоторые политологи, **авторитаризм**. Это одна из самых опасных современных иллюзий. Номенклатурное правление, авторитаризм – это режимы прямо противоположные демократии. Они не приближают общество к демократии, они разрушают её. **Переходом к Демократии может быть только ... Демократия!** Переход к демократии не может быть процессом усиления авторитарных методов, переход к демократии – это процесс постоянного, каждодневногo расширения демократических тенденций, демократического пространства.

Утопия и в том представлении, что будто бы «сильная власть» лидера и начинающаяся с неё «сильная вертикаль» – есть основа «сильного государства». Мы хорошо помним, как всё большими и большими полномочиями нагружал себя Михаил Сергеевич – для осуществления «всемирно-исторических» свершений. И мы помним, как запросто, со всеми этими замечательными «полномочиями», оказался он в форосской клетке (в августе 91-го). И не преградили все эти полномочия ни путч ГКЧП, ни развал страны, ни срыв России в яму криминально-номенклатурного капитализма.

Да, без сильной властной «вертикали» нарастающий, крайне опасный процесс атомизации российского общества, расползания его социальной ткани не остановить. Но «сильной», но социально эффективной «вертикаль» может быть только в том случае, если она опирается на «горизонталь» – на структуры и институты гражданского общества, широчайшей «низовой демократии». Без горизонтали – вертикали стоять не на чем. Без сильной горизонтали не может быть сильной вертикали. Вообще - **начинать** строить «сильную вертикаль» можно только с «сильной горизонтали». Иначе – беда.

Именно в этом видится мне главный урок реформаторских неудач Горбачева.